

минает о французском структурализме, хотя можно назвать много черт, позволяющих усмотреть связь между творчеством Дюркгейма и Леви-Стросса. Так, например, представление о религии как системе символов, несущей социальную информацию, перекликается со взглядами Леви-Стросса на человеческое творчество (мифологию и др.) как на закодированное отображение социальной действительности. Повышенный интерес структурализма к примитивным обществам также говорит о сходстве с концепцией Дюркгейма. В обоих этих случаях интерес к таким обществам вызван их простотой, т. е. тем, что можно в упрощенном варианте разобрать основные закономерности всех последующих, более сложных обществ. Представление Дюркгейма об историческом процессе как о следующих одна за другой, но не связанных между собой общественных формациях отразилось в творчестве Леви-Стросса в виде мнения о невозможности совместить изучение конкретного общества с попытками проследить его историческое развитие.

Книга Е. В. Осиповой охватывает все творчество Эмиля Дюркгейма, содержит богатый материал, систематизированный и проанализированный с точки зрения марксистского понимания истории. Данная работа представляется особенно важной в том плане, что концепция Дюркгейма и сейчас остается теоретической базой большого количества социологических и этнографических концепций западных ученых. Принципиальная критика идеализма и противоречивости творчества Дюркгейма в совокупности с объективной оценкой прогрессивных сторон его методики и вклада в развитие науки составляет большое достоинство рецензируемой книги.

А. В. Полевой

Л. С. Клейн. Археологические источники. Л., 1978, 120 с.

Потребность в теоретическом осмыслении процедуры археологического исследования назрела давно, причем не только для самих археологов, но и для этнографов, сотрудничающих с ними при исследовании проблем первобытной истории. Бурное развитие современной археологии, стремительное накопление полевого материала, необычайное расширение археологической проблематики и сферы деятельности археологов, умножение количества и типов объектов, с которыми им приходится иметь дело, — все это поставило на повестку дня вопрос о специфике археологических реконструкций, о степени достоверности тех или иных исторических построений, предложенных археологами. Вопрос этот становится тем более острым, что в практике археологического исследования нередки случаи, когда один и тот же материал приводит специалистов к различным, порой диаметрально противоположным выводам. Одна из причин такого положения — недостаточная изученность специфики археологического объекта как источника, предмета археологии как науки. По сути дела в настоящий момент под угрозой оказывается само представление об археологии как о самостоятельной исторической дисциплине, собственными методами решающей проблемы истории. Вопрос о методе извлечения исторической информации из археологических источников запутывается все больше. Комплексный подход к историческим источникам, позволяющий в значительной мере обходить острый угол собственно археологических интерпретаций, зачастую оборачивается уходом археолога в смежные исторические дисциплины и не всегда способствует решению проблемы по существу. Роль археологии начинает иногда сводиться чуть ли не к добычанию материалов, исследуемых затем иными, не археологическими методами; с другой стороны, все еще сохраняется представление о том, что любой историк в состоянии обработать археологические данные, не вникая в специфику их интерпретации, а руководствуясь лишь собственным опытом и методами исследования. В силу всего сказанного книга Л. С. Клейна, являясь первой в нашей науке попыткой глубоко и всесторонне осмыслить понятие «археологический источник», стала событием важным не только для археологии.

Книга состоит из введения и четырех глав. Понятие «археологический источник» рассматривается автором как основное в археологии, «на котором держится вся система общих понятий данной науки» (с. 45).

Первая глава содержит анализ процесса становления понятия «археологический источник» и краткий, но чрезвычайно содержательный обзор истории формирования исторического источниковедения с его все более усложняющейся процедурой критики источников. Этот раздел важен для осознания методологической сложности интерпретации источников вообще и археологических источников в особенности. Автор призывает порвать с остатками восходящей к периоду становления советской археологии традиции, в силу которой «преобладало упрощенное понимание историзма археологии: она должна пользоваться методами и понятиями истории, которые разрабатываются историческим материализмом; других не требуется» (с. 19). Здесь же он справедливо указывает, что археологические источники по сути своей не более объективны, чем исторические. «Все произведения культуры имели своих создателей, обладавших какими-то пристрастиями; любые комплексы вещей — это тоже результат отбора, а если многие из этих вещей и комплексов предназначались не для воздействия на грядущие

поколения (хотя некоторые не исключали и эту цель), а на тогдашнее окружение, то от этого они не становятся менее тенденциозными» (с. 22). Поэтому прежде чем археологический источник станет доступен для использования историком, он должен быть предварительно обработан специалистом-археологом; археологические источники по своим функциям лишь частично совпадают с историческими. С этими тезисами Л. С. Клейна вряд ли можно спорить. Они применимы также к этнографическим источникам, специфика которых требует самого подробного анализа, аналогичного тому, что проделан в рецензируемой книге в отношении источников археологических.

Во второй главе автор переходит к оценке роли источников, в том числе археологических, для познания прошлого. Рассматривая историческое познание как особую разновидность отражения и подчеркивая сложность отражающей системы, Л. С. Клейн в то же время далек от свойственного буржуазным историкам утверждения о непознаваемости исторического процесса. Не разделяет он и «наивного оптимизма», присутствующего в прошлом некоторым советским историкам. С целью разрешить «парадоксы источникововедения» автор предлагает использовать понятие «потенциальная историческая информация», подчеркивающее диалектический характер процесса формирования исторического знания (с. 36). Указывая, что отражение событий прошлого в археологических источниках не является простым, зеркальным (некоторые явления и системы вовсе не находят отражения, другие, напротив, приобретают гипертрофированные формы), он ставит полноту получаемой исторической информации также в зависимость от методов, использованных для ее получения. Количество и качество информации «зависит не только от объектов отражения, но и от того, кто и как эту информацию извлекает и потребляет» (с. 36). Сопровождающие текст таблицы наглядно показывают сложный процесс образования исторического знания на основе изучения археологических источников. Здесь же автор намечает соотношение археологических и этнографических материалов. Этот вопрос затрагивается им и в тексте, где подчеркивается принципиальная разница археологического и этнографического подхода к материалу, вызванная, в частности, несовпадением этнической общности с археологической культурой (с. 53). Безусловно, данные этнографии имеют свою специфику, но это не мешает им наряду с археологическими служить для вычленения отдельных хозяйственно-культурных типов. Быть может, дело заключается в том, что мы еще не можем уверенно выделять этнический компонент из археологических данных, или в том, что понятие «археологическая культура» чаще всего заменяет нам представление о реальном человеческом обществе, в том, что «исследователи переносят качества и свойства предмета познания на само понятие о нем»¹? И не о том ли говорит сам Л. С. Клейн, еще раз останавливаясь на специфике археологических источников, заключающейся «в двойном разрыве: в традициях (между далеким прошлым и нашим временем) и в объективации, т. е. в формах воплощения информации (разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке)» (с. 61).

Последние главы монографии посвящены непосредственно проблеме интерпретации археологических источников, в первую очередь вопросам их типологизации и классификации. При этом в основу сопоставления и построения соответствующей структуры исследования археологического источника легла процедура исследования исторического источника как более разработанная. В составленной автором схеме источникововедческого изучения археологических источников (табл. VIII, с. 72—73) наиболее важно, на наш взгляд, внимание, уделяемое второму этапу внутренней критики источника — содержательной критике, оценке достоверности сообщений. Однако не слишком удачной оказалась попытка разъять на части почти не расчлененный в действительности процесс научного познания, а тем более подразделить его на этапы. Мысль автора здесь становится менее четкой, построения излишне громоздкими, текст пронизан множеством сложноподчиненных предложений и иноязычных терминов (например, «релевантность» вместо «значимость»), которыми, кстати, он же предлагает не злоупотреблять. В археологической практике существуют отрасли исследования, именуемые в книге тафonomией, таксономической классификацией и т. д., но пока у нас нет тенденции к широкому употреблению этих терминов.

Л. С. Клейн и сам признает, что в «расположении этапов обработки археологических источников допустима известная свобода», что «утвердить эту последовательность как жесткую и обязательную невозможно» (с. 80). Таким образом, сформированная автором в главе III структура познания археологических источников имеет, по-видимому, лишь поисковое, лабораторное значение.

Четвертая, последняя, глава также носит рабочий характер. Она посвящена вопросам классификации археологических источников и открывается очерком исторического развития классификации источников и анализом соответствующей терминологии. Автор пытается разграничить синонимы понятия «археологический источник» по их оттенкам и связать их употребление с определенным методом классификации. Остановившись на традиционных способах группировки археологических источников, Л. С. Клейн особо подчеркивает важность разделения их «по сохранности» и по «условиям обнаружения». В качестве же основной системы классификации он предлагает классификацию «по

¹ Ю. Н. Захарук. Ленинское теоретическое наследие и археологическая наука. — «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, с. 16.

условиям формирования материальных древностей» (с. 101—102). Для этого необходимо определить «критерий общей группировки». Проанализировав шаги своих предшественников на этом пути, в первую очередь Г. Ю. Эггерса, автор предлагает в качестве нового критерия отбора вид практической деятельности человека, в результате которой сформировался данный источник. По Л. С. Клейну, таких видов деятельности четыре: обитание, хранение — упокоение, созидание, пребывание — посещение — передвижение. Для придания классификации строгости вводится и второй критерий — «путь изъятия предметов и комплексов из живого обихода»: катастрофа, специальный вынос, нормальное выпадение, аномальное выпадение (случайные потери). В пользу этой классификации можно сказать, что как очередная попытка распределить источники по клеточкам она не хуже других. Однако уже в самих критериях заложены нечеткость и многозначность, затрудняющие логическое распределение объектов по разделам. В конце концов оказывается, что в таблицу Л. С. Клейна (табл. IX, с. 113) лучше всего укладываются такие сравнительно редкие памятники, как места сражений или культовые места (причем без каких бы то ни было сооружений — если такое вообще возможно), поля древнего земледелия (опять-таки без ирригационных или иных сооружений), дороги (лишенные придорожных сооружений), всякого рода производственные комплексы: шахты, рудники (если они не связаны с обитанием). В итоге укажем, что сквозь классификационную схему, построенную автором, просвечивает обычное деление памятников археологии на поселения, погребальные комплексы и различного рода местонахождения, неразрывно связанные с первыми или со вторыми. В стремлении систематизировать и классифицировать во что бы то ни стало археологические объекты (достаточно характерном для части археологов, увлекающихся информационным подходом) Л. С. Клейн приходит к расчленению единых, органически взаимосвязанных явлений (археологических памятников) на составные части, осмысление которых порознь просто невозможно (частично это признает сам автор на с. 112). Тогда единственный положительный результат подобной классификации — указание на необходимость выделения части археологических комплексов по признаку их возникновения и «археологизации», что всегда было достаточно ясно любому археологу. Нам представляется, что в этих заключительных главах, третьей и четвертой, автор местами сбивается на «холостой ход», о котором говорится в заключении (с. 115). Необходимо заметить, однако, что «теоретические исследования по археологии только-только набирают силу» (с. 115) и любая попытка не только поставить теоретические вопросы, но и тут же решить их не всегда дает положительные результаты. И все же такие попытки необходимы, ибо это единственный путь к ликвидации отставания теоретического осмысления фактов археологии от процесса их накопления, к выходу из состояния неуверенности и сомнений, к новому этапу разрешения больших исторических проблем на основе археологических данных.

Подводя итог, автор не делает каких-либо определенных выводов и не дает методических разработок, чего, казалось бы, можно было ожидать от книги с подзаголовком «учебное пособие». Но по существу это проблемная теоретическая монография с анализом многочисленных и многосторонних точек зрения, с разбором проблем и противоречий, со своей логикой и структурой исследований. Книга призывает к дискуссии и наводит на размышления, и в этом ее основное достоинство как учебного пособия, поскольку учебников, заставляющих задуматься и учащихся думать, у нас очень немного.

Результаты своей работы Л. С. Клейн видит в систематизации фундаментальных понятий археологии, выяснении места археологических источников среди других источников информации, реализации семиотически-информационного и системного подходов к темам общей археологии (с. 116—118). Нам кажется, что все три направления будут чрезвычайно полезны для профессиональных археологов и студентов. Здесь автору удалось достичь того главного, что столь редко обнаруживается в монографиях, исследовательских или учебных, — сочетания глубокого и полного освещения проблематики со стимулированием «дальнейших размышлений и работы» (с. 118). Спорность же многих из предложенных Л. С. Клейном построений — результат объективного состояния археологической проблематики в целом. Книга Л. С. Клейна полезна не только археологам, но и этнографам, прежде всего по двум причинам. Во-первых, она представляет собой неплохой пример источниковедческого подхода, который может с успехом использоваться при критике этнографических источников. Во-вторых, работа Л. С. Клейна ориентирует на более осторожное обращение с археологическими источниками тех специалистов, которые, занимаясь вопросами этногенеза, неизбежно вынуждены к ним прибегать.

Л. А. Белая, М. В. Фролов.